

“Рудик на все это чихал”

ОЛЬГА ГЕРДТ

Сегодня в парижской Орега состоится гала-концерт, посвященный памяти Рудольфа Нуриева. Он умер ровно десять лет назад, 6 января 1993 года. Скорбную дату отмечает весь мир — подобные парижскому гала-концерты состоялись в Милане и Вене. В России они не запланированы. О Рудольфе Нуриеве вспомнило только общество «Друзья Большого балета». В Театральном музее им. Бахрушина состоялся вечер памяти «Рожденный для танца».

Театралы были вправе ожидать подобающих случаю воспоминаний в духе «как сейчас помню, стою я с Рудиком у Орега». Но, к счастью, — обшлось и без лжесвидетелей и без носовых платков. Общество «Друзья Большого балета», сложившееся пару лет назад как итог открытой переписки в Интернете балетоманов, копнуло глубже, чем бывает в таких случаях. На стендах красовались полученные из Лондона редкие, никогда не публиковавшиеся фотографии. Видеопрограмма кроме общеизвестных («Юноша и смерть» Ролана Пети с Зизи Жанмер, «Маргарита и Арман» с Марго Фонтейн) изобиловала редчайшими кадрами — фрагменты «Лауренсии» 1959 года (бодрый голос советского диктора сообщает: «Нуриев. Он пришел в классический балет из художественной самодельности»); Нуриев в роли Феи Карабос в собственной «Спящей красавице»; Нуриев, исполняющий женские вариации на репетициях «Раймонды» в парижской Орега. Научный подход профессором физики и математики (таков состав общества любителей балета) чувствовался: только факты, и желательно уникальные. Но главным событием вечера стали не кино- и фотодокументы, а 73-летний свидетель. Первая

партнерша Рудольфа Нуриева, в прошлом прима-балерина, а теперь режиссер-репетитор Мариинского театра, Нинель Кургапкина. Ее комментарии стоили десяти гала-концертов и всех льстивых, лживых и попросту полсовых биографий Нуриева, которыми наводнены книжные прилавки всех стран мира.

«Когда он пришел из школы в театр, в нем все было идеально — и шаг, и подъем, и красивое балетное лицо. Единственное, что было не идеально, — характер. Он всего три года учился в балетной школе, но уже знал, что он — Нуриев. Нехватка балетного образования не то что не чувствовалась, наоборот, — чувствовалась превосходство. Его сначала ругали, но потом все стали ему подражать. После того как он станцевал «Лауренсию» с Дудинской, стало ясно, что мы получили исключительного танцовщика. Когда мне сказали, что я буду танцевать с ним «Аяэ», я подумала — здорово, хороший мальчик, надо его приобщать. Я была на девять лет старше. Но у меня с ним никаких проблем не было — он слушал с мнением, открыв глаза и уши. У нас у обоих были хорошие уши — мы одинаково слышали музыку и все поддержки делали враз. Сначала мы танцевали «Дон Кихота», потом «Аяэ» в редакции Анисимовой. В вариации Армена ноги у него гениально шевелились. Потом он станцевал эту вариацию на Западе — он же перенес почти весь санкт-петербургский репертуар на Запад — но это уже была не Анисимова, это был самый настоящий Нуриев, он не только хореограф, даже музыку переделал».

Кургапкина с Нуриевым подружилась после фестиваля в Вене: «Романа не было, но замечательные взаимоотношения, как при романе, были». После нескольких удачных спектаклей новую звездную пару худрук Кировского балета Константин Сергеев отправил в турне в Германию. Оно-то и сыграло в судьбе обоих роковую роль. «Сказал

нам — будете высокое искусство представлять. Мы приехали в Москву, где собиралась команда для концерта, и оказались в компании фокусников и акробатов». В Берлине Кургапкину и Нуриева пригласили в оперный театр — показать, что умеют, потому что другого случая может не представиться. Они и показали, танца несколько часов подряд весь свой репертуар. Берлинская «вылазка» Кургапкиной обошлась дорого. Начальнику Госконцерта, который был большим другом Сергеева и Дудинской, составили пакость: Кургапкина-де по Германии ходила в брюках, чем портила образ советской балерины, и вообще — вела себя ужасно. В результате ее отстранили от той самой поездки в Париж, из которой ее партнер уже не вернулся. «Потом мне говорили: «Нинель, если бы ты была там, он бы не остался».

«Он не вел себя как советский человек. В гостиницу возвращался, когда хотел, уходил — с кем хотел. Ему выговаривали. Но Рудик на все это чихал. Он спросил нашего посла, когда тот его распекал, — разве его поведение отражается на том, как он танцует? «У вас есть ко мне претензии?» «Нет, — ответил посол, — к танцу у меня претензий нет». «У меня тоже нет к вам претензий», — сказал Рудольф и ушел. После этого выбора у него уже не было. Он рассказывал: «Нинель, я пришел в церковь Мадлен, встал на колени и сказал: «Если Ты есть, сделай так, чтобы я мог остаться».

После побега Рудольфа Нинель Кургапкина сама оказалась в опале: «На долгие годы на меня был положен большой крест». В конце жизни Нуриев пригласил ее в Орега на постановку «Баядерки». До этого за карьерой и «романами» Нуриева она следила из Ленинграда. На вечер памяти Рудольфа, во время демонстрации кадров хроники, она комментировала его успехи с материнской нежностью, женской ревностью и гордостью педагога. Кадры, на которых Рудольф Нуриев и один из лучших западных танцовщиков Эрик Брун работают в классе, резюмировала примирительно: «У них был один из самых красивых романов». О Марго Фонтейн, которую впервые увидела на гастролях в России в то самое время, когда Нуриев был в Париже, отозвалась не без ревности: «Ну, ему с ней было нелегко. Вы знаете, эти иностранные балерины — они ведь намного тяжелее наших. Красивая, фантастичная, Марго была холодновата. После Рудольфа она стала танцевать более певуче, по-русски — верхом тела. Она многое для него сделала, вела в высший свет. Рудольф ее обожал и отплатил ей за все: «Нинель, я в Лондоне продал дом, протестуя против того, что у Марго нет пенсии».

Майя Плисецкая: «он утробно ненавидел советскую власть»

В 1989 году я была приглашена в Америку на вечер, который устраивала Марта Грэм. Танцевали только ее хореографию. Я знала, что меня не пустят, тем более что среди участников были заявлены Нуриев и Барышников. И потому предпочла отправиться в Испанию — у меня была виза, я работала тогда в Испании, — откуда было все же легче улететь в Америку. Но меня и там отыскали. Пришел гэбист, который стал уговаривать остаться. Тогда я сказала, что мой неприлет в США по вине спецслужб станет там достоянием гласности, а в Америке предупредила: если не прилечу, значит, ГБ. Они все равно пытались помешать, но не вышло, и я улетела. Зачем они мешали Горбачеву и перестройке — мне по сей день неясно...

В Америке у нас не было с Нуриевым общих номеров, как и с Барышниковым, и мы «объединились» лишь на приеме. И тут Нуриев возмутился, что его посадили не там, где он хотел. Казалось бы?.. И он выплеснул бокал вина чуть ли не в лицо распорядителю — типично его жест, он мог так делать. Потом мы встречались в Австралии, где он ставил «Ромео и Джульетту». Его много ругали, а мне понравилось. И Рудик печально сказал: «Это, наверное, только тебе». Его ругали как хореографа, говорили, что он заимствует из постановок Мариинки. Но заимствовали все. Страшного в этом ничего нет. Важно то, что Рудик действительно умел влить в старые меха новую жизнь. Умел куда лучше других. Говорят, что он ностальгировал по Петербургу, мечтал вернуться — ну разве что в Петербург, может быть... Но вообще он утробно ненавидел советскую власть. И безумно жаль, что он так растрачивал свою жизнь. И так сгорел...

Ролан Пети: «он хотел умереть на сцене»

Мы ужинали в «Вольтере» с Рудольфом. Он сидел на банкетке рядом с Зизи Жанмер, которая была его партнершей по моему балету «Юноша и смерть». Она его очень любила, ласкала взглядом и подкармливала самым калорийным, чтобы он набрал вес, — так советовали доктора, которые следили за его здоровьем: оно угасало. И вдруг он сказал, что на два дня уезжает в Нью-Йорк, чтобы дирижировать в Метрополитен-опера «Ромео и Джульеттой». И вы знаете, я без всякого смеха отнесся к тому, что он хочет дирижировать, ибо король танца — Нуриев — если и продолжал жить, то только при поддержке публики, а она аплодировала ему всегда. Танцевать он уже не мог. «И все же, береги энергию, не растрачивай ее так...» — сказал я ему. «Я живу так, как хотел сам», — был его ответ. Я посмотрел Рудольфу в глаза и спросил прямо: «Ты хочешь умереть на сцене?» — «Это было бы лучше всего». Он взял меня за руку, у Зизи стал прерываться голос, а я сжал кулаки, чтобы только не поддаться охватившему меня грустному настроению. Но он никогда не грустил больше двух минут. Мы сменили тему и стали смеяться — о том, о сем. Слово студенту. Я помню, что даже предложил ему продирижировать «Коппелией» в Марселе — он был страшно доволен.

Людмила Лопато, актриса, певица, хозяйка ресторана «Русский павильон» в Париже: «он никогда не платил»

Хотя говорили о нем совершенно противоположное, но я знала его как очень скромного человека. Он всегда старался быть каким-то незаметным. Конечно, все обращали внимание, все замечали его, но он никак не реагировал, садился отдельно от всех, был очень молчалив; и если что-то заказывал, всегда что-то особенное, не то, что заказывали другие. Он как-то обязательно хотел выделяться, но делал это удивительно мягко и скромно. А если его блюда не оказывались, он так мог и остаться голодным. И никогда не платил... Я бы не сказала, что он был элегантным — таким, какими были, быть может, первой русской эмиграции — ну, например, Феликс Юсупов, — нет... Но, впрочем, это понятно, ибо он к ним и не принадлежал. Но вел себя как аристократ. Знаете, мог войти, снять костюм, сложить его вчетверо и сесть на него — был такой случай: новый, дорогой синий костюм — ему было жарко, он снял его и сел. Ну а на сцене он был изумителен, я помню «Лебединое озеро» с ним и с Марго Фонтейн — мурашки по коже. Он на сцене полностью забывался и исчезал как человек.

Нинель Кургапкина: «он считал себя достоянием Франции»

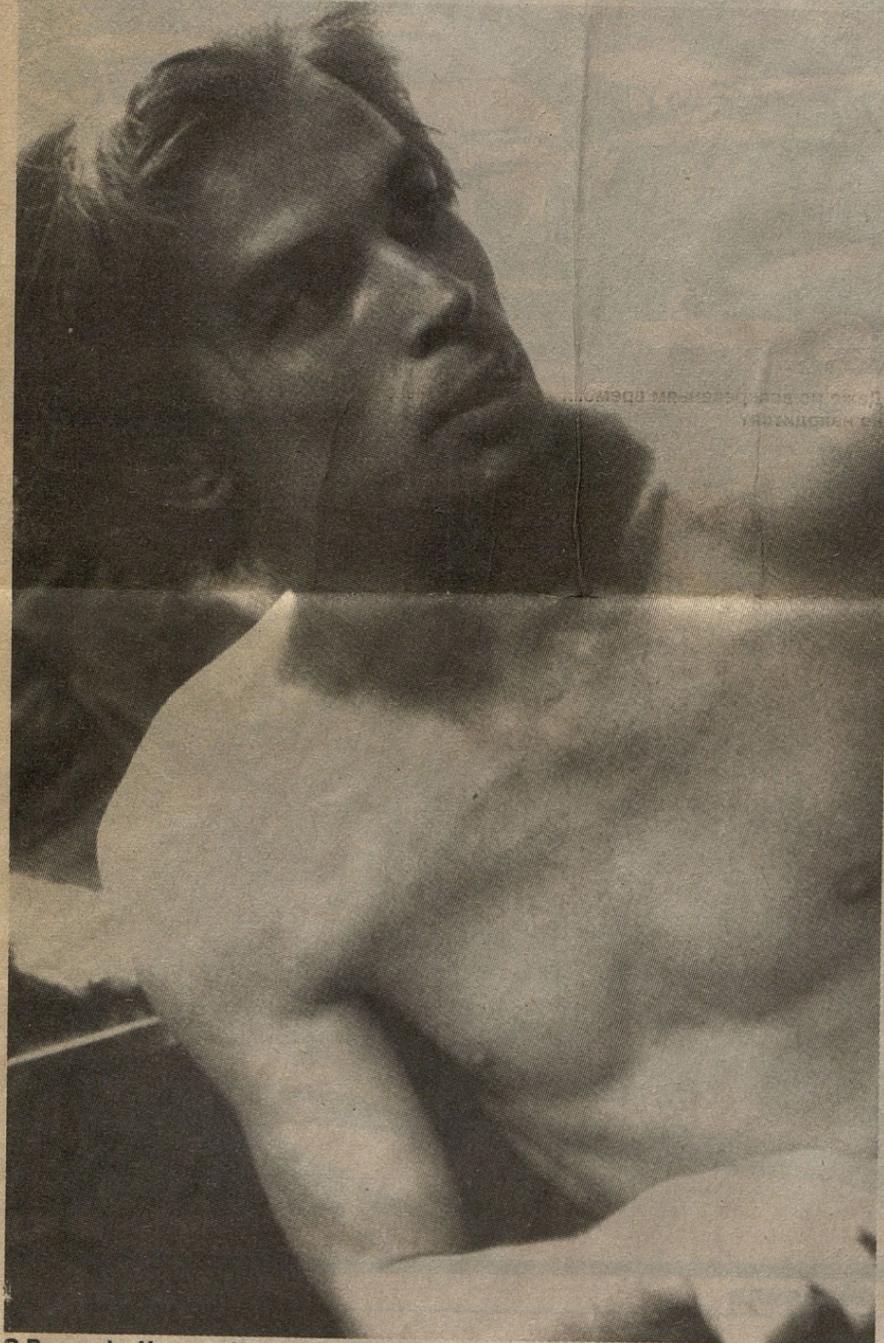
Про Нуриева никто ничего до конца не знал, потому что он со всеми был разным. То, что знали все, — так это то, что он никогда или почти никогда не платил в ресторанах, не платил за жилье, считая себя достоянием Франции. «Это они должны мне платить, что я тут у них живу», — так он говорил. Я помню, мы втроем — еще Миша Барышников — пошли в ресторан «Оранжерея» в самом центре Парижа — очень модное такое заведение, там Бельмондо устраивал свадебную трапезу. И Рудик платил — он был страшно небогат. Когда я жила у него в Париже, меня, а не его просили, чтобы господин Нуриев заплатил налоги. «А почему вы не попросите сами?» — спросила я. «Мы боимся».

Когда он хотел сделать мне подарок на день рождения, его купила Дус на свои деньги. В то же время он всегда был любезен со мной и даже обращался на «вы», хотя я на «ты» его звала. Несколько раз он жил у меня в Ленинграде — там у меня есть квартира-закуток. И был весьма скромен в своих запросах — никаких разносолов ему было не надо. Один раз он тяжело заболел, его осмотрели в Военно-медицинской академии и откачали огромное количество воды — это было сердце; и возникли сомнения в СПИДе, его попросили сдать кровь, и Рудик категорически отказался — так что... Ну а в его квартире, где я жила во время работы над «Баядеркой», приходили всякие знаменитости, включая мультимиллионеров — мадам Ротшильд, например. Когда я помогла ему в последние месяцы жизни работать над «Баядеркой» Минкуса, он был уже очень плохо, лежал на диване во время репетиций, но реагировал на все так же чутко, как и всегда. Внешне он, конечно, очень изменился, и это запечатлено на фото Владимира Рэна, его парижского друга. Эти фото очень не понравились Нуриеву, потому что он на них просто какой-то ненормальный. Таким он не был. О своей болезни он почти не говорил, продолжая бороться — и в театре, и в больницах, и дома, в своей роскошной квартире на набережной Вольтера, где за ним ухаживали Дус Франсуа — его верная Дус, — у которой он когда-то жил в ее квартире в парке Монсо, а также Марика Безобразова. Они мыли его, одевали, кормили, поили — словом, делали все по дому. Мужчины ему не помогали, они у него были для другого. Он ждал конца, но иронизируя, не тоскуя, мы даже вместе с ним сходили на премьеру «Чапелина» Ролана Пети в «Шатле». Было плохо, и я знала, что так будет, но Нуриев сказал: «Я должен». И мы пошли. В нашу ложу. И сразу все глаза были устремлены на Нуриева. И я-то смогла беспрепятственно работать в Париже лишь благодаря ему, так как у Рудольфа были неограниченные возможности и абсолютное влияние, по-моему, в любой сфере. А вот в последнюю ночь перед смертью он плакал, очень сильно плакал...

Юрий Евграфов, племянник Нуриева: «он оставил меня в Париже»

Первая встреча с Рудольфом была совершенно невероятной. Это было как-то во сне. Мы приехали с мамой из Уфы, получили билеты — аншлаги были, конечно. И вот появился он — в «Сильфиде». Он был не тот, как когда-то, как на старых записях, которые мы видели, но и в этом что-то было особенное, свое. Мы познакомились после спектакля, и больше я никогда не возвращалась в Уфу. Я учился в Париже языком, музыке и жил у Рудольфа. Когда он умер, я уехал в Берлин и живу сейчас там. Рудольф создал фонд, который должен помогать молодым артистам и близким покойного. Но о судьбе этого фонда сейчас говорить не лучшее время. Когда оно придет, я кое-что вам расскажу.

(Подборка — АНДРЕЙ МУРЗИН)

О Рудольфе Нуриеве Нинель Кургапкина: «Что было главным в его искусстве? Невероятный эротизм. И в его личности тоже»